

Василий Зверев

Ленин: социализм, народники и мировая революция

Vasily Zverev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Lenin: Socialism, the Narodniks and the world revolution

DOI: 10.31857/S086956870009250-6

Статья В.П. Булдакова — одновременно вызов иконографической традиции советской историографии (зная творческий почерк автора, трудно было бы ожидать иного подхода в аргументации основных идей, экспозиции фактов, формировании доказательной базы) и протест против фантомно-расплывчатой публицистики последних трёх десятилетий. То тут то там мелькают сполохи отбушевавших (или только грядущих?) гроз неприятия плоского позитивизма и отторжения самовлюблённого постмодернизма. Автор верен себе — он приневоливает читателя к принятию собственных умозаключений, сдобренных изрядной долей скепсиса, звучащих резко, с вызовом, а порой и парадоксально. Правда, уверен, что хлесткость фразы и заострённая полемичность, не говоря уже об основных выводах и характеристиках некоторых исторических персонажей (чего только стоят оценки П.Б. Струве), непременно вызовут равное количество похвал и критики. Но тут каждому своё: кому — гречневая каша с маслом, а кому — бутерброд с чёрной икрой.

Меня зацепило несколько вольное отношение к полемике между народниками и марксистами в 1890-х гг. Вернее, утверждение о её схоластичности. Безусловно, схоластика, если под ней понимать буквоедство и скрупулёзность в доказательстве верности заветам зачинателя научного, а уж тем более политико-общественного направления, была и будет присуща дискуссиям его последователей и толкователей. А в России, наверное, в ещё большей степени, чем где бы то ни было. Но идейные баталии марксистов и народников конца позапрошлого века отнюдь не игнорировали конкретику российского бытия — напротив, они стимулировали изучение отечественной экономики. Для одних К. Маркс был пророком, объяснившим предыдущую историю человечества и предсказавшим его будущее, другие рассматривали его штудии как одну из научных теорий, наделённую как достоинствами, так и недостатками. Различие подходов приводило к различию прогнозов социально-экономического развития страны. И каждая из сторон имела что сказать по этому поводу. Научные результаты полемики оказались весомы. Лучшими работами о положении сельского хозяйства стали труды народнических экономистов, о развитии капитализма в промышленности — «Русская фабрика в прошлом и настоящем» М.И. Туган-Барановского, а «Развитие капитализма в России» В.И. Ленина — лучшим обобщающим трудом по данной тематике. Трудом, несомненно, тенденциозным (что пришлось признать в скором времени), но доказательным и снимавшим вопрос об особом пути страны, о возможности избежать эпоху «наживы и чистогана». Говорить, однако, о безусловной победе марксистов, как это было принято в советской историографии, не приходится. Тема оказалась исчерпана и тонким ручейком стекла со страниц прессы.

Если обратиться к политическому аспекту вопроса, то и здесь напрашивается вывод о том, что Ленин начинал там, где народники-революционеры

заканчивали. Объединяющим началом стали не социалистические идеалы, а революционность, которая далеко не случайно оказалась основополагающим элементом разработанной им периодизации революционно-освободительного движения — начиная от выступления декабристов и заканчивая формированием российской социал-демократии. Социализмом Ленин считал только его революционный вариант¹. То, что такой подход в ленинском учении превалировал, подтверждает и различие в его отношении к родоначальникам народничества — А.И. Герцену и Н.Г. Чернышевскому. Ленину были ближе логика рассуждений и повествовательный стиль второго, весьма утилитарные в пропагандистском отношении. Его привлекали последовательный и боевой демократизм Чернышевского, интерес вызывали и произведения, от которых веяло «духом классовой борьбы» и в которых содержалась глубокая критика капитализма². Услышанные в них призывы «к топору», «плебейскому» решению кардинальных вопросов импонировали ленинским представлениям и оказали существенное влияние на формирование его собственного мировоззрения. В отличие от Чернышевского Ленин посвятил Герцену, не считая кратких упоминаний, только одну, «юбилейную» статью — «Памяти Герцена»³.

Противопоставление мировоззрения двух названных авторов служило подтверждением обострения социальных противоречий при капитализме, усиления влияния радикально настроенных общественных деятелей, постепенной подготовки почвы для восприятия революционной теории Маркса. Аналогичным образом Ленин подходил и к оценке народничества 1860—1870-х гг. Объективно наиболее ярким и завершённым выражением революционно-народнического понимания социалистических преобразований явилась программа «Народной воли». Но Ленин упорно ссылаясь на положительный опыт «превосходной» революционной организации «Земля и воля». В отношении «народовольцев» отмечалось лишь то, что они сделали «шаг вперёд, перейдя к политической борьбе»⁴. Причина двояка: с одной стороны, отделить социал-демократов от эсеров, считавших народовольцев своими предшественниками, а с другой — косвенно подтвердить свою марксистскую первородность. Относительно этого у меня, как и у Булдакова, существуют серьёзные сомнения. Избежать влияния революционного народничества Ленин не мог. Здесь переплетались идеология и психология. В конце 1880-х гг. марксизм не получил ещё серьёзного распространения в оппозиционном движении (а именно с этого времени обычно датируется начало революционной практики Ленина). Нельзя игнорировать и личностный момент — казнь старшего брата. Представляется, что в фразе о выстраданности Россией марксизма Ленин проговаривался: речь шла о его собственных мучительных идейных поисках.

Сделав выбор в пользу марксизма, Ленин, однако, не отказался от народнической тактики партийного строительства. Почему-то забывается, что отстаиваемый им тип социал-демократической организации принципиально отли-

---

¹ «Социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации» (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 1. М., 1967. С. 281).

² *Ленин В.И.* ПСС. Т. 25. М., 1969. С. 94.

³ В годы перестройки Н.Я. Эйдельман рассказывал, что ему во время архивных изысканий в США удалось обнаружить воспоминания одного из бывших сторонников Ленина. Тот писал, как накануне столетия со дня рождения Герцена (1912) Ленин рассуждал о том, что, может быть, «отдать» его либералам. А потом, немного походя по комнате, произнёс: «Нет, нельзя. Фигура слишком крупная».

⁴ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 6. М., 1963. С. 135; Т. 9. М., 1967. С. 179.

чался от аналогичных объединений Западной Европы. В первую очередь речь шла о партии профессиональных революционеров, построенной на основе особых морально-этических принципов взаимоотношений между её членами, жёсткой дисциплины, непримиримости по отношению к власти и её представителям. Это очень напоминало идеи идеолога заговорщического направления революционного народничества П.Н. Ткачёва. Не случайно В.Д. Бонч-Бруевич привёл в воспоминаниях слова Ленина о том, что «этот писатель несомненно ближе других к нашей точке зрения»⁵.

Не могу не коснуться ещё одного утверждения Булдакова, относящегося к периоду Первой мировой войны: «Вспомнил Ленин и о теории империализма Дж. Гобсона (1902), и о “революционной” колониальной периферии. Получается, что он рассчитывал на тотальный эмоциональный переворот (естественный, согласно законам шоковой терапии) в сознании людей, потрясённых “ужасами империализма”». Эмоциональное подавление рационального — конечно же, интересный и значимый феномен. Но для достижения искомого результата требуются весомые и как раз рациональные аргументы — как для собственных сторонников, так и для масс: пусть и движимых эмоциями, воспринимаящих идеологию на уровне лозунгов, но требующих идейных скреп для своей веры в социальных поводырях.

Думается, Ленин о теории империализма никогда и не забывал. Более того, она стала мощнейшим подспорьем для революционной социал-демократии Европы после того, как стала очевидной несостоятельность прогнозов Маркса о скором крахе капитализма в результате всеобщего экономического кризиса, абсолютного обнищания рабочего класса и взрыва социального недовольства. Капитализм свободной конкуренции смог найти выход из кризисного состояния путём создания монополистических объединений, стихийного регулирования рынка производства и потребления, внешней экспансии капитала. Книга английского либерала Гобсона «Империализм» засвидетельствовала наступление нового этапа в развитии капиталистического хозяйства — этапа милитаризма и агрессивной внешней политики, когда трудящиеся классы становились пушечным мясом в деле реализации интересов мировой буржуазии. Эти выводы оказались подхвачены и заострены марксистами, которые увидели в них источник нового революционного оптимизма, подтверждение незыблемости и справедливости предначертаний учителя. Об империализме вообще писали многие и много. Достаточно сказать, что, работая над своей знаменитой брошюрой (имевшей, кстати, подзаголовок «популярный очерк»), Ленин проштудировал 148 книг и 230 статей. Что-то принципиально новое сказать было сложно. Но ему удалось главное — обосновать мысль об империализме как о высшей и последней стадии капиталистического развития, кануне социалистической революции, чего до него никто не делал. Этот постулат базировался на убеждении, что государственно-монополистический капитализм в современном виде является необходимым базисом социализма, а для свержения эксплуататорского строя необходимо только изменить пресловутую политическую надстройку. Представлялась эта гигантская общественная трансформация, естественно, во всемирном масштабе. Но в устоявшуюся систему представлений о мировой

---

⁵ Бонч-Бруевич Вл. Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Красная летопись. 1932. № 3. С. 112—113. Характерно, что это признание в более поздних публикациях воспоминаний Бонч-Бруевича советского времени не воспроизводилось.

революции Ленин внёс существенную корректировку — начаться она могла в наиболее слабом звене капиталистического мира. Именно эти положения определили программу действий, изложенную в «Апрельских тезисах».

Явное расхождение этих идей с убеждениями Ленина в принадлежности России к странам второго эшелона развития капитализма, которым ещё предстоит пройти этап буржуазных преобразований⁶, были очевидны и соратникам, и противникам. Утверждения, что военные поражения обострили и без того масштабные социальные противоречия, усилили антибуржуазные настроения и тем самым дали надежду на то, что детонатор социалистических преобразований сработает именно в России, выглядели призрачной надеждой, граничившей с горячечным бредом. Именно такие инвективы и звучали в адрес Ленина в 1917 г. Но его всеокупающая воля и обращение к стихийной энергии масс опровергли, казалось бы, самые взвешенные и продуманные прогнозы.

Однако утопия, реализуемая на практике, приобретает черты реальности, искажающие саму утопию. Мировая революция так и не свершилась, что потребовало коррекции казавшихся осуществимыми идей. НЭп был вызван к жизни не только провалом «военного коммунизма», но и отсутствием революционного взрыва на Западе. Тем не менее вера в поддержку первого социалистического государства из-за рубежа не оставляла Ленина до конца жизни. По крайней мере в статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» явно просматривается призыв продержаться до тех пор, пока не произойдёт столкновения революционного Востока с буржуазным Западом⁷.

---

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 25. М., 1969. С. 101; Т. 27. М., 1969. С. 260—261.

⁷ Там же. Т. 45. М., 1970. С. 378—382.